

Наталья Рапопорт

Набережная исцелимых

Хроника венецианского карантина

10. Снимаем выставку

Вернусь теперь к зловещим событиям середины и конца марта. Эпидемия коронавируса в Северной Италии развивалась стремительно. Девятнадцатого марта в Бергамо пришлось послать армию, потому что город не справлялся с количеством умерших; кладбища были заполнены до отказа, трупы вывозили ночью на армейских грузовиках в соседние городки и крематории. В провинции Венето тоже было несладко, хотя и не до такой степени. Каждый вечер меня мучили панические мини-атаки; каждое утро я просыпалась с мыслью — мне подарен еще один день — и спешила проверить близких. Изматывает страшно.

В этой ситуации, как только у Вики появилась возможность передвигаться, мы начали опять думать об отъезде. В Америке тогда еще не было случившегося позже апокалипсиса, но в отличие от американского руководства мы ясно сознавали, что это затишье перед неизбежной бурей, и хотели добраться домой, пока эта буря не грянула.

Первоначальное закрытие Италии на ключ заканчивалось третьего апреля, и мы надеялись, что с четвертого у нас появятся шансы на отъезд. В связи с этим опять встал вопрос о Викиных гравюрах, все еще висевших на стене в запертой галерее, так и не принявшей ни одного посетителя. На этот раз Вика сама предложила нам с Володей принять участие в снятии и упаковке гравюр, понимая, что хромоту человеку справиться с этой задачей будет нелегко. Школа графики пошла Вике навстречу и прислала по электронной почте справку с печатями, удостоверяющую, что ей необходимо попасть в Школу. У нас с Володей оправдательной справки не было, но я собиралась в случае чего тыкать пальцем в Викину хромоту в лангете и объяснять жестами, что мы — группа поддержки инвалида.

Трудно себе представить худший день, чем тот, что мы выбрали для такой поездки. Двадцать шестого марта дул шквальный ледяной ветер и время от времени хлестал дождь. Когда мы вышли из дома, даже Вика усомнилась, стоит ли нам идти дальше, но тут я дала маху, опасаясь, что другой раз мы можем не получить приглашения на совместную поездку. Сумка на колесиках парусила под порывами ветра и вырывалась из рук, готовая взлететь; выпрошенные в супермаркете коробки

мокли под налетающими струями дождя, тащить их под мышкой было ужасно неудобно. Мы отказались от идеи идти в Школу пешком — это нашим с Володей шагом около часа — и отправились на остановку вапоретто.

Сколько мы перевидали вапоретто за последний месяц — все они ходили совершенно пустые; нас неприятно удивило, что на том, который за нами пришел, были пассажиры: не много, но больше, чем хотелось бы. Остаться на открытом воздухе при шквальном ледяном ветре и дожде значило схватить пневмонию безо всякого коронавируса. Пришлось пройти в салон. Следующая за Сан-Сильвестро остановка — Риальто. И тут мы увидели на причале большую толпу рабочих, ожидавших посадки на наш вапоретто! Они были в одинаковых желтых куртках, различавшихся опознавательными знаками; один я опознала — знак работника почты. У всех были с собой маски, но у большинства они просто болтались под подбородком. Они влились в салон, в нем сразу стало шумно и тесно. Какая там предписанная дистанция в метр! Как в добрые старые времена, мы оказались с ними, можно сказать, почти в обнимку, и к выходу на остановке Сан-Меркуола продирались, как сквозь строй. Откуда они взялась, эти работяги, ведь до этого вапоретто ходили совсем пустые! Сообразила позже: время ланча, и у Риальто, видимо, была открыта для них какая-то столовая. Мы, как это с нами случается, выбрали для поездки в Школу не только самый неудачный день, но и самое неудачное время. Восемь часов спустя, на обратном пути, мы были на вапоретто единственными пассажирами.

В Школе графики было сумеречно и промозгло. Венецианские дома редко соблюдают «социальное дистанцирование» и стоят так близко один к другому в узких переулках, что свет в них не попадает даже в яркие солнечные дни. А мы еще выбрали день, когда над городом висели густые черные тучи. При этом руководство Школы, по всей видимости, не очень уверенное в официальном статусе своего разрешения на посещение Школы в период карантина, попросило Вику не зажигать свет, чтобы не привлечь внимания карабинеров. Пока Вика снимала гравюры и укладывала их в библиотеке на длинный деревянный стол, было еще достаточно светло, но к моменту, когда стены галереи оголились и все гравюры лежали на столе, в библиотеке наступила крошечная мгла. Добавьте к этому пронизывающий холод: из-за высокой влажности, когда в Венеции холодно, это — холодно.

Большие гравюры были аккуратно уложены одна на другую. Вика завернула их вокруг пустого тубуса, закрепила припасенными резинками, упаковала в непромокаемый пластиковый мешок для мусора на случай, если почтовое отправление попадет под дождь, и в таком виде засунула не без труда в большой тубус, предназначенный для отправки по почте. На герметизацию большого тубуса припасенной крышкой ушло еще минут сорок.

Выехав из дому примерно в полдень, домой мы, «усталые, но довольные», голодные и продрогшие, вернулись в восемь вечера совершенно без сил.

Две недели (средний инкубационный период для КОВИД-19) я жила, затаив дыхание, с ужасом ждала трагических последствий нашей сумасшедшей поездки и выдохнула только девятого апреля. Трудно поверить, но все обошлось: никто из нас не заболел ни коронавирусной, ни банальной пневмонией, и в первый раз после полутора месяцев дикого психологического напряжения я вздохнула свободно.

11. Первым делом, первым делом самолёты...

Сняв Викину выставку, мы начали уже всерьез думать об отъезде. Постоянно отслеживая возможные варианты возвращения, Вика обнаружила, что с четвертого апреля из Венеции начинают летать самолеты голландской компании KLM и есть возможность вернуться в Штаты по маршруту Венеция — Амстердам — Чикаго, всего четырнадцать часов дороги. Из Чикаго мы с Володей тут же прямым рейсом летели бы в Солт-Лейк-Сити и к вечеру были бы дома, а Вике пришлось бы ночевать в гостинице (не сахар, конечно, но в Чикаго тогда еще не было того светопреставления, которое началось там через пару недель). Следующим утром прямым рейсом Вика летела бы в ее родной городок Керни, штат Небраска. После полутора месяцев венецианского карантина и пережитых приключений, перспектива такого простого и близкого возвращения домой казалась чудесной сказкой. Ею и оказалась, но об этом позже.

Окрыленные надеждой, мы начали с покупки билетов. Викины обратные билеты (она летела в Венецию самолетом португальской авиакомпании TAP через Лиссабон) пропали. Ее рейс из Флоренции отменили и предложили другой маршрут, через Болонью, причем по новому расписанию она прилетала бы из Болоньи в Лиссабон на день позже, чем должна была вылететь из Лиссабона в Штаты. Вика связалась с TAP по электронной почте, но мелкая неувязка дат предложенных рейсов никого там не смутила, и авиакомпания категорически отказалась возвращать деньги за отмененный рейс. Страховка, которую Вика оплатила при покупке билетов, тоже ухом не повела, объяснив в ответном письме, что оплачивает отмену рейса только в случае смерти клиента или, на худой конец, актов терроризма, которых в данный момент около Лиссабона не наблюдается, так что Викин случай оплате не подлежит. Дозвониться ни в TAP, ни в страховку никакой возможности не было. Да и то сказать — после всего уже пережитого потеря обратного билета и денег казалась сущим пустяком.

Мы купили себе новые билеты на четвертое апреля по маршруту Венеция—Амстердам—Чикаго. Вика купила свой билет через голландскую авиакомпанию KLM, а мы с Володей перерегистрировали наши обратные билеты на тот же рейс через авиакомпанию «Дельта», на самолете которой прилетели в Европу. «Дельта» и KLM (а также «Дельта» и Air France) — «близнецы-братья»: рейсы «Дельты» из Европы выполняет либо KLM через Амстердам, либо Air France через Париж. Так что мы втроем должны были лететь до Чикаго одним и тем же самолетом, только номера рейсов у KLM и «Дельты» были разные. Для того, о чем я хочу вам поведать, это важная деталь.

Краткое отступление на тему: я и «Дельта». В Солт-Лейк-Сити, где мы с Володей живем, у «Дельты» один из ее центральных узлов, и мы обычно летаем по миру ее самолетами. Я у «Дельты» — почетный пассажир, потому что налетала на их самолетах больше миллиона миль. Вырвавшись в 1990-м году из тюрьмы, размером в одну шестую земного шара, я сорвалась с цепи и за короткое время, насколько позволяли работа и места проведения научных конференций, облетела остальные пять шестых, включая Австралию, Новую Зеландию, остров Пасхи и Галапагосские острова. С пересечением моей миллионной мили связан забавный эпизод. Мне предстояло пересечь ее в одном из наших полетов в Европу, о чем я, конечно, не догадывалась. И вдруг перед самой посадкой выкликают по радио мое имя и просят подойти к стойке. Иду и вижу, что вдоль посадочной дорожки выстроился в ряд весь экипаж предстоящего рейса во главе с пилотом. По громкой связи объявляют, что пассажирка Наталья

Рапопорт в предстоящем рейсе «Дельты» пересечет миллионную милю, с чем авиакомпания ее сердечно поздравляет и вручает ей открытку с логотипом «Дельты» и подписями всех членов экипажа сегодняшнего рейса, памятную авторучку и черную ленточку с золотой надписью «Дельта», а также предлагает всем остальным пассажирам рейса Наталью поприветствовать, что те и осуществили бурными аплодисментами, пока члены экипажа по очереди пожимали мне руку. Я воспарила духом и понадеялась, что сейчас нас с Володей, в назидание остальным пассажирам, не налетавшим миллиона миль, переведут в бизнес класс. Увы! Не то что в бизнес-класс, а даже с мест у сортира на более престижные в общем салоне нас никто не перевел... Зато с тех пор в моем дельтовском удостоверении написано «million miler» — пассажир, налетавший миллион миль, что иногда вызывает легкий поклон уважения в мою сторону.

После этого отступления вернемся в Венецию. Наш первоначальный обратный билет на двадцать седьмое марта по маршруту Флоренция—Париж—Солт-Лейк-Сити «Дельта» поменяла без звука и штрафа на новую дату, четвертое апреля, и новый маршрут: Венеция—Амстердам—Чикаго—Солт-Лейк-Сити. Как я уже объясняла, из Венеции до Чикаго мы должны были лететь с Викой одним и тем же самолетом. Но первого апреля приходит к нам очень расстроенная Вика и говорит, что получила сообщение от KLM об отмене нашего рейса, и KLM предлагает ей лететь завтра, второго апреля, по другому, дико сложному и долгому маршруту со многими пересадками, но и этот маршрут, похоже, тоже отменен, потому что на сайте KLM никакой информации о нем нет. Да если б и не был отменен: ехать из Венеции в аэропорт — не ближний свет, и поскольку самолеты сейчас практически не летают, вапоретто в аэропорт почти не ходят, и такси не работает, и поездку в аэропорт надо организовывать заранее, и все это очень недешево. Не говоря о том, что Вика не хочет оставлять нас с Володей в Венеции одних.

Заметьте, что при этом у меня от «Дельты» никаких сообщений об отмене нашего рейса, назначенного на четвертое апреля, нет. Я бросаюсь звонить в «Дельту» и битый час слушаю их музыку, после чего телефон разъединяется. Нахожу тайный телефон для почетных пассажиров, звоню по нему. Мне предлагают оставить свои координаты: они мне сами перезвонят. Действительно, минут через сорок — звонок. На экране «Дельта». Приятный автоматический мужской голос подтверждает, что звонит «Дельта», и предлагает нажать любую кнопку, чтобы показать, что я дома. Нажимаю любую кнопку. Приятный мужской голос сообщает: «Вас нет дома», и телефон разъединяется. Через двадцать минут повторяется та же история. Звонит «Дельта», нажимаю другую «любую кнопку», мне сообщают, что меня нет дома, и разъединяются уже навсегда. На сайте «Дельты» наш рейс обозначен как действующий, на сайте KLM четко написано: отменен. Так ехать нам в аэропорт или не ехать? Я безуспешно часами обрываю телефоны «Дельты», и наконец мне выпадает удача: через привилегированный номер получаю вдруг связь с реальным живым человеком. Объясняю, что у меня билет на такой-то рейс из Венеции через Амстердам в Чикаго. Прекрасно, говорит он, чем могу служить? Дело в том, что моя дочь летит тем же самолетом, но через KLM, и ей сообщили, что рейс отменен. REALLY?! — удивляется мой собеседник. — В САМОМ ДЕЛЕ?! Ну да, говорю, посмотрите сами на сайте KLM. Он уходит минут на двадцать, я уже теряю надежду когда-нибудь его снова услышать и боюсь, что сейчас нас разъединят. К счастью, он возвращается: да, говорит, вы правы, ваш рейс отменен. Ну, говорю, спасибо хоть на этом, хотя было бы логичнее, если бы об этом сообщили вы мне, а не я вам. Мы на время успокаиваемся, потому что все сходится: третьего апреля Италия не отменила карантин, и все рейсы из

Венеции в Европу по-прежнему отменены. Но в день отмененного отлета, за час до предполагавшегося ранее окончания посадки, получаю от «Дельты» сообщение: вы опаздываете на регистрацию. И через час еще одно сообщение: вы опоздали, ваш самолет в воздухе и приземлится в Чикаго по расписанию. Можно это выдержать?! Бросаюсь на сайт «Дельты» — оттуда вообще исчезла всякая информация о моем полете в Европу — ни подтверждения покупки билетов, ни номеров наших билетов — вообще ничего... Я так и не знаю, что произошло. Знаю только твердо, что рейса из Венеции в Амстердам, откуда мы должны были лететь в Чикаго, не было. И даже если рейс Амстердам—Чикаго выполнялся, нам он был недоступен. На этом свои контакты с «Дельтой» я прервала до лучших времен. Берегу нервы для будущих баталий. Буду им дозваниваться, когда станет доподлинно известно, что из Венеции в Амстердам (или Париж) начали летать самолеты. Надеемся, что это случится второго июня.

12. Радость бытия. Середина апреля — середина мая

С десятых чисел апреля потекли дни, которые на фоне моей штормовой жизни можно было бы назвать днями безоблачного штиля и незамутненной радости бытия. По воистину немислимым обстоятельствам мы оказались втроем в самом красивом городе мира, и ничего не надо было срочно решать, ибо от нас ничего не зависело. Тридцать лет назад Вика покинула нас, улетев из Москвы в Израиль, и в минувшие годы мы встречались лишь коротко и эпизодически. А сейчас вселенская катастрофа коронавируса подарила мне счастье общей жизни с дочерью и небывалого душевного покоя. Вот ведь какая диалектика.

У Вики в Небраске продолжался учебный семестр, и она, как обычно, была очень занята. Она начала преподавать рисунок онлайн — опыт новый и безумно трудный, с проекцией в будущее, ибо маловероятно, что в Штатах к сентябрю закончится эпидемия и откроются университеты. Она работала в буквальном смысле с утра до вечера, не разгибая спины, но вечерами мы собирались на часок в нашей гостиной обсудить итоги дня, по части эпидемии довольно долго неутешительные. По Викиному настоянию мы сидели по трем разным углам на «социальном расстоянии», в масках, и вели неторопливую беседу. Жаль, некому было запечатлеть эту картину семейного счастья. Разговор неизбежно крутился вокруг пандемии, нашей личной ситуации и мировых перспектив. Обстановка в Италии постепенно улучшалась, наш регион усилиями губернатора Луки Дзайя переместился со второго на четвертое место по числу ежесуточных заболеваний, и это обнадеживало. Но, как нетрудно было предвидеть, началась эпидемия в Штатах, обернувшаяся в Нью-Йорке и Нью-Джерси настоящим армагеддоном. Лететь из выздоравливавшей Италии в тяжело заболевшую Америку не очень хотелось.

В начале мая у Вики закончился семестр, она расставила студентам оценки и пустилась во все тяжкие. Вечерами она теперь угощала нас невероятными фотографиями, сюжеты которых мог увидеть только художник с ее фантазией в пустом городе невиданной красоты. Подчеркиваю: пустом. Исчезли с улиц запертые в своих домах люди, им на смену, как призраки, вышли манекены и стали хозяевами карантинного города.

Так текла наша неспешная жизнь, горизонт постепенно очищался, эпидемия в регионе Венето подходила к концу. Двенадцатого мая сняли ограничение на выход из дома и двухсотметровый лимит прогулки. Город ожил. На кампо высыпали засидевшиеся

дети: катаются на роликах, играют в прятки, скачут и оглушительно вопят от счастья. В ход идет вся местная культура. Один мальчонка очень забавно прятался под крылом у бронзового льва. А еще через неделю открылись бары и рестораны, магазины и лавочки, церкви и парикмахерские, куда рванули засидевшиеся родители. Мы тоже отправились гулять в дальние края, даже съездили на остров Сан-Джорджо Маджоре с церковью работы Палладио и чудесным видом на Венецию через лагуну.

С третьего июня обещали возобновить авиарейсы из Венеции в Амстердам, и нам опять замаячил отъезд, и опять перспектива оказалась эфемерной. Видимо, нельзя признаваться даже самому себе, что тебе хорошо и ты счастлив. Кто-то в преисподней заметит и наведет порядок. На этот раз, двадцать третьего мая, тяжело заболел Володя. Что-то не в порядке у нас с двадцать третьим числом: ровно за три месяца до Володи, двадцать третьего февраля, заболела Вика.

13. Ночь, ледяная рябь канала... 23 мая

Утром (была суббота) Володя проснулся с сильной болью в животе и тошнотой. Никакие домашние средства не помогали. Живот продолжал болеть. Как только Володя поднимал голову от подушки, его рвало. Температура, правда, была еще нормальная.

Первая мысль, конечно, — аппендицит — первое, чего пугаешься в такой ситуации. Он требует срочной операции, и медлить с этим нельзя. Я вызвала «скорую помощь» (Ambulanza). Кое-как мы спустили Володю по нашей крутой и кривой лестнице. Санитары положили его на каталку и отвезли к ожидавшей где-то неподалеку желтой лодке Ambulanza. Меня на нее не взяли, и мы с Викторией помчались в госпиталь пешком. Пока добежали, Володи в приемном покое уже не было. Нам велели ожидать информации в специальном «зале ожидания». Через какое-то время к нам вышел дежурный врач, злой как черт, и заорал очень агрессивно на плохом английском: кто вы такие? Почему в Венеции?! Как вас занесло в Италию?! Узнав, что Вика не турист, а приехала сюда на работу, немного поутих. Я попыталась объяснить ему Володины проблемы с языком и памятью в надежде, что меня к нему допустят, но врач категорически отказал: никаких исключений! И исчез.

Через несколько часов меня окликнули и на этот раз провели внутрь, за загородку. Володя лежал на каталке, измученный, несчастный, спросил жалобно: «Наталья, где ты была? Я заболел...» Я бросилась к нему, но меня перехватили по дороге и направили к врачу. Он сидел за столом в небольшой комнате. Выглядел озабоченным. «У вашего мужа, похоже, воздух в брюшине. Мы должны сделать компьютерную томографию (КТ) с контрастом. Подпишите бумагу, что вы не возражаете». Языковой барьер не позволил мне выяснить, что за воздух в брюшине, и я не поняла масштабов бедствия. Может, на тот момент и к лучшему. Бумагу я, конечно, подписала. Ждать результатов КТ пришлось еще несколько часов, потому что своего рентгенолога в госпитале не было, снимки посылали на большую землю. Результаты, как сообщил мне врач, были «inconclusive» — неопределенными, и он выписал Володю домой с условием, что на завтра мы опять явимся в госпиталь, как я поняла — на повторный анализ крови. Володя едва держался на ногах, и я спросила врача, нельзя ли отвезти его домой на Ambulanza. Он согласился и дал соответствующее распоряжение администраторше приемного покоя. С этого момента началась полная фантазмагория.

Не знаю, что это было — ксенофобия или личная неприязнь к бестолковому старику, который при регистрации не мог ответить ни на один ее вопрос (к тому же, вероятно, заданный по-итальянски). От нее веяло недоброжелательностью, и она не считала нужным ее скрывать: направила нас в зал ожидания и велела ждать лодку. Прошел час. Я пошла в приемный покой, откуда могла видеть ее сквозь стеклянную стенку небольшой выгородки. Попросила ее позвать. Она вышла страшно раздраженная: «Я вам сказала ждать. Лодок нет. Сколько ждать — не знаю. Ждите». И ушла к себе. Я отправила Вику домой. Прошел еще час. Уже не только Володя, но и я была не в лучшей форме: целый день не евши, не пивши и, извините, не писавши, потому что мы с Викой решили не пользоваться общественным туалетом в госпитале, куда свозят коронавирусных больных. Дело шло к ночи. Время от времени, три или четыре раза за время нашего трехчасового ожидания, в госпиталь привозили на лодке новых пациентов, и я каждый раз бросалась к привозившим в надежде, что они нас заберут, но они шли мимо.

Начало двенадцатого. Тишина. В приемном покое никого. В кабинете той бабы тоже пусто, и дверь заперта. Володя при последнем издыхании, я тоже не герой, и на разрядившемся за день телефоне один процент зарядки. Я взяла в госпитале список телефонов лодок-такси, но без итальянского языка и на одном проценте зарядки мне с ними не объясниться. В отчаянии ищу хоть какую-нибудь живую душу в районе приемного покоя. Мне везет: в небольшом садике по соседству натыкаюсь на курящего сторожа и еще какого-то курящего джентльмена интеллигентного вида, понимающего по-английски. Со своего итальянского телефона сторож обзванивает по очереди все номера таксопарков, но всюду отвечают автоответчики: ночь, такси не работают, а может, они вообще еще не вышли из карантина. Перспектива провести здесь ночь, коченея на стуле до утра в зале ожидания, кажется ужасной. Единственный выход — идти домой пешком с Володей, который не стоит на ногах, — но дома хоть есть горячий чай и теплая постель. Прибежала Вика, и мы двинулись. Взяли Володю с обеих сторон под руки и поползли. Около приемного покоя дежурила пустая Ambulanza: водитель ее скучал, курил и трепался по телефону. Я спросила: почему бы ему не отвезти нас домой? Он ответил: о вас не поступало никаких распоряжений. Без распоряжения босса я не могу.

Мы проползли минут пятнадцать-двадцать, и тут хлынуло. Ливень, какие бывают, наверное, только в Венеции: стена ледяного дождя и ураганный ветер с лагуны. В мгновение ока на нас не осталось сухой нитки, но мы решили продолжать тащиться домой. Володя героически передвигал ноги и только каждую секунду спрашивал, далеко ли нам еще идти. Домой добрались к часу ночи или немного позже. Вика затащила в душ стул, мы посадили на него Володю, окатили с головы до ног горячей водой, напоили горячим чаем и уложили в постель. Потом проделали то же сами.

Наутро у Володи поднялась температура, она ползла вверх на глазах и вскоре доползла до тридцати восьми и пяти. Что это? Пневмония после ночного путешествия или продолжение сюжета с больным животом? О том, чтобы с такой температурой ехать в госпиталь, как нам было приказано, не могло быть и речи: при тридцати восьми и пяти больных везут без разговоров в «ковидный барак» на карантин до выяснения причины, с перспективой там, в карантине, этот вирус и схлопотать. Володе срочно нужна была конкретная гастроэнтерологическая помощь, но там бы он ее не получил. Живот у него, кстати, уже не болел, и тошноты не было — видимо, помогла вчерашняя капельница. Мы остались дома и пытались сбить температуру парацетамолом, но она не поддавалась, так что мы отпаивали его чаем и в страхе ждали, что будет.

Зловещий смысл воздуха в брюшине объяснил мне наш домашний гастроэнтеролог Тимур Шаов, из которого поэтический и музыкальный дар не выбили хорошего медицинского образования. Воздух в брюшине — признак прободения (перфорации) какой-то кишки, — сказал встревоженный Тимур. Это не меньше аппендицита требует немедленного хирургического вмешательства, иначе будет перитонит. Тимур не мог поверить, что с таким страшным подозрением нас выпустили из госпиталя, и настаивал, чтобы мы немедленно вернулись под наблюдение врачей, потому что температура может свидетельствовать об уже начавшемся перитоните. Я сходила с ума от тревоги, но понимала, что везти Володю в больницу с такой температурой нельзя — он бы там попал в отделение, о котором лучше не думать.

Так прошла ночь. На следующее утро температура упала до тридцати семи и двух, и мы решили ехать в больницу, пока она опять не поднялась. Вызвали «скорую». Володю сразу направили в хирургическое отделение, но сначала все-таки посадили на ковидный карантин в специальную, изолированную от основного отделения большую палату. Туда помещают хирургических больных, у которых нет справки об отрицательном тесте на Ковид-19. Володе сделали тест, и в карантинной палате мы провели много часов в ожидании результата. Вечером пришел отрицательный результат, и Володю перевели в нормальную палату хирургического отделения, где мы с ним и прожили следующие две недели, если то, что происходило, можно назвать жизнью. Слава богу, мне разрешили с ним находиться. В палате стояло кресло на колесиках с откидывающейся спинкой, и я постепенно приспособилась спать на нем хоть несколько часов в сутки, чтобы самой не отдать концы. Володя был очень плох и требовал ежесекундного внимания. Ему поставили капельницу и начали прокапывать антибиотики и физраствор с глюкозой. Так завершилась первая серия этой саги.

14. Венецианский госпиталь, хирургическое отделение. 25 мая — 6 июня

На следующее утро в палату пришли два хирурга. Один, судя по лысине и седой щетине, лет шестидесяти — местный босс, и с ним довольно молодая брюнетка по имени Алессандра Амиго. Амиго — от испанского «друг», но в жизни своей я не встречала более недоброжелательных и неконтактных докторов, недолгое общение с которыми потребовало от меня невероятной концентрации воли. Хирурги уже наточили ножи и объявили, что вечером берут Володю на операцию.

Сообщение об операции не застало меня врасплох. В конце концов, мы в хирургическом отделении, что еще там делают, как не это. Я давно считала правильным удаление Володиного набитого камнями желчного пузыря, но он категорически отказывался. А сейчас точно время пришло.

— Операция будет лапароскопической (то есть через несколько мелких надрезов, в отличие от полостных операций с большим разрезом, — *Н.Р.*)? — Я задала этот вопрос, чтобы показать, что со мной можно общаться на более или менее профессиональном языке. В том, что операция будет лапароскопической, я не сомневалась: сегодня это стандартная практика удаления желчного пузыря. Но то, что я услышала в ответ, меня совершенно обескуражило.

— Нет, будет полостная операция, она может занять несколько часов, заранее ничего сказать не можем, — ответил босс.

— Мы вырежем кусок кишки и выведем кишку наружу. Он будет ходить с

мешочком, — добавила Алессандра Амиго. — Через несколько месяцев можно будет сделать повторную операцию и вернуть кишку на место.

— О боже, почему надо резать кишку и выводить ее наружу?! У него же острый холецистит. У него камни в желчном пузыре. При чем здесь кишка?! И потом, взгляните на него! Он очень слаб и плох. Большую полостную операцию он не перенесет!

— Томография показала, что у него перфорация кишки. Мы не знаем, какой именно и где. Это место надо найти и вырезать.

— Вы основываете свой диагноз на компьютерной томографии. Но ведь рентгенологи написали, что она не дала определенных результатов. Скан мог быть неудачным. Владимир не понимал команд оператора и не мог выполнять инструкции, данные на итальянском языке. Почему сначала не повторить КТ? Может, она покажет, что операция не нужна (замечу в скобках, этого как раз говорить не следовало: это они понимали не хуже меня, потому и не хотели повторять тест).

— Нам не нужен повторный тест. Мы все увидим на предварительной лапароскопии.

— Но лапароскопия — инвазивное вмешательство. Владимиру через месяц восемьдесят девять лет. Как показал анализ крови, который я видела, у него острый холецистит, а в остром периоде любая операция опасна.

— Вы врач?

— Нет, но я...

— Мы будем делать то, что сочтем нужным. Я даю вам час. Через час вам принесут на подпись бумагу, что вы согласны на операцию.

— Кто будет оперировать?

— Я, — отрезала Алессандра Амиго как-то слишком уж вызывающе.

Они ушли. Я бросилась звонить Тимуру. Он очень волновался из-за возможного перитонита и посоветовал соглашаться на операцию, раз хирурги настаивают. На Виду тоже настойчивость хирургов произвела сильное впечатление: если бы был более щадящий выход, они бы его предложили. А я думала: что скажет мне Володя, если — что было маловероятно — переживет операцию. Поблагодарит ли меня за то, что спасла ему жизнь ценой пожизненного мешочка с калом (рассчитывать в восемьдесят девять лет на восстановительную операцию не приходилось). Самого его не спросишь: он был очень плох, измучен, с замутненным сознанием — не понимал, где находится, и раздраженно просил меня заплатить на десять долларов больше и снять гостиницу получше.

Час на размышление.

Поединок. Первый раунд

Ровно через час мне принесли подписать бумагу, что я согласна на операцию и осведомлена о ее последствиях. Я животом чувствовала, что подписывать не следует, но подписала. Соображения Вики и Тимура перевесили мой интуитивный протест.

Ждать пришлось долго. Только к восьми вечера объявили, что сейчас Володю заберут в операционную, и сообщили, что со мной хотят побеседовать анестезиологи. Меня провели вниз, в предбанник операционной. Анестезиологи, в отличие от хирургов, были доброжелательные и контактные ребята. Вопросы их были важные, и на всякий случай при них был переводчик, хотя они и сами прилично говорили по-английски. Они спросили про Володины аллергии, и были ли у него когда-нибудь другие операции.

Я, в свою очередь, задала ряд мучавших меня вопросов — в частности, какой анестетик они используют. Вопрос их удивил: «Вы знаете анестетики? Мы используем пропофол».

Странно рифмуются иногда события в жизни. Последние два года я консультировала молодого профессора, приехавшего к нам из Стэнфордского университета продолжать мои разработки по направленной доставке лекарств в нужную точку. Моего коллегу интересовала доставка лекарств в мозг, и мы с ним научились заключать пропофол в разработанные мною микроскопические капельки и освобождать «по требованию» направленным в нужную точку мозга ультразвуком. Перед самым моим отъездом в Венецию мы подали на патент. Так что пропофол был мне более чем знаком, о чем я и сообщила анестезиологам. В результате у нас установился неформальный контакт, жизненно необходимый в моей критической ситуации.

Анестезиологи подтвердили, что хирурги готовятся к большой полостной операции и что предстоит длительный общий наркоз. После такого наркоза даже у молодых пациентов, бывает, «крыша едет», а тут — человек с уже имеющимися тяжелыми проблемами памяти. Кем он выйдет из наркоза, если выйдет? Растением? — Да, это возможно.

Еще они мне объяснили, что из операционной Володю перевезут в интенсивную терапию, а меня туда ни под каким видом не пустят.

— Но он же без меня не сможет ни с кем объясниться! Не будет понимать, что с ним происходит, без меня у него не будет нужного ухода!

— Вы правы, но в интенсивную терапию никого не пускают.

Тут наконец у меня созрело решение, и уже никакая сила в мире не могла меня остановить.

— Передайте, пожалуйста, хирургам, что я отменяю свое разрешение на операцию. Операции не будет.

Анестезиологи всполошились, но мне показалось, что они отнеслись к моему решению сочувственно. Примчалась Алессандра Амиго. Я повторила ей свои соображения и сказала, что без повторного КТ, подтверждающего необходимость большой полостной операции, я разрешения не дам. Алессандра слушала меня молча, но если глаза человека могут метать молнии, это был как раз тот случай. Мне принесли на подпись заявление, что я отказываюсь от данного ранее разрешения, и на этот раз я подписала его недрогнувшей рукой, буквально сняв Володю с операционного стола.

Я вернулась в палату с ощущением, что у меня выросли крылья. Не могу описать словами эту непередаваемую легкость, как будто свалилась с души огромная, готовая меня раздавить каменная глыба. Все мое нутро пело оду к радости.

Поединок. Второй раунд

На следующее утро вопрос об операции возник снова. И опять они обрабатывали меня вдвоем: лысоватый босс и Алессандра. На этот раз среди аргументов фигурировала не только сомнительная перфорация, но и заворот кишок, а я видела, что Володе явно лучше. Не было спонтанных болей в животе, тошноты, и температура утром была уже нормальная. Но после вчерашней встряски и двух бессонных ночей у меня самой почти не осталось сил на сопротивление напору хирургов: я была как выжатый лимон. Я попыталась выиграть время и предложила подождать еще одни сутки, поскольку экстренной ситуации, требующей немедленной операции, ведь нет, правда? Судя по анализам крови, которые я видела, у него острое воспаление желчного пузыря. Пусть оно немного успокоится, ибо, чем меньше воспаление, тем больше шансов на благополучный исход операции. Так я выиграла еще одни сутки.

Почему они так рвались его оперировать? Я бы с радостью поверила, что они искренне беспокоились о Володином здоровье и считали операцию необходимой. Я бы

не отказала им в презумпции невиновности и даже поверила в заворот кишок, если бы не инцидент, который произошел на следующее утро.

Поединок. Третий раунд

Алессандра пришла в палату с грустной новостью: анализ крови практически не улучшился по сравнению со вчерашним, воспаление продолжается, и ждать больше нельзя. Минут за пять до этого я видела ее в помещении медсестер с листком бумаги в руках. Я догадалась, что это был тот самый анализ крови, на который она ссылаясь, и попросила показать его мне. Она с готовностью выполнила мою просьбу, указывая на действительно высокий реактивный белок, один из маркеров воспалительных процессов. Но мое внимание привлек не он (он часто бывает повышен у пожилых людей, даже вполне здоровых). Мое внимание привлекло существенное снижение всех остальных показателей воспаления желчного пузыря, практически вернувшихся к норме. Володя прекрасно шел к выздоровлению на антибиотике, который ему вливали внутривенно четыре раза в день, готовя к операции. Я изумилась, что Алессандра предпочла этого не заметить. Они с боссом пришли в палату. Босс сильно надавил Володе на живот. Володя дернулся, и судьба его была решена — вечером операция. Показания на этот раз: заворот кишок; непроходимость; отсутствие стула и газов.

Но я-то знала, что точно такая же проблема у Володи уже была два с половиной года назад, после предыдущего приступа холецистита, когда у него десять дней не было стула. Мне тогда объяснили, что у пожилых людей это бывает довольно часто — реакция на воспаление, функциональный паралич кишечника. Он обычно не требует вмешательства и проходит сам за пять-семь дней. У восьмидесятипятилетнего Володи прошел за десять дней, без госпитализации и лечения.

Диалог мой с докторами — не скажу, что на повышенных тонах, но очень напряженный — протекал около Володиной койки. Он слушал внимательно и наконец обратился ко мне весьма агрессивно и, разумеется, по-русски:

— Объясни, пожалуйста, что здесь происходит!

— Тебе хотят сегодня вечером делать операцию.

— Мне?! Операцию?! С какой стати?! Я совершенно здоров!

— Что он говорит? — спросил босс.

— Говорит, что совершенно здоров и ему не нужна операция. Он пришел в себя, все понимает, и я не могу за него решать.

— Но он неадекватен, решать должны вы.

— Я решала за него, когда он был практически без сознания. А сейчас он может решать сам за себя, и я не могу вмешиваться.

— При его ментальных проблемах он не может решать за себя сам, решать должны вы. У вас есть от него доверенность (power of attorney)?

— Power of attorney? Нет, нету. Мы никогда об этом документе не думали.

Я увидела, как они всполошились.

— Извините, но я должен проверить, что вы действительно сообщаете нам правду о том, что он говорит, — сказал босс. — Я вызову переводчика.

Через какое-то время босс принес телефон с русско-итальянским переводчиком на другом конце провода. Трубку отдали Володе. Переводчик попросил его представиться, спросил год рождения, и умница Володя этот экзамен выдержал. Потом переводчик спросил Володю о состоянии его здоровья и согласен ли он на операцию.

— Какую еще операцию! — заорал Володя. — Я совершенно здоров! Ни на какую операцию я не согласен!

Это была сокрушительная победа. Нокаут противника в третьем раунде. Босс с Алессандрой ушли, и больше мы их не видели почти до самой Володиной выписки десять дней спустя.

Той порой, как и раньше с Викиной ногой, я бросила клич по друзьям с просьбой помочь нам спастись от навязчивого венецианского хирургического сервиса. В ответ жизнь сделала мне неожиданный подарок. Регина Гоголь, моя подруга с юношеских лет, написала мне, что внучка нашего с ней общего друга Виллена Кандрора, Верочка, выросла в прекрасного бостонского гастроэнтеролога, и не просто гастроэнтеролога, а именно такого, какой был нам нужен — специалиста по экстренным случаям. Я отправила Верочке имевшиеся в моем распоряжении материалы, переведенные итальянскими друзьями на английский язык. «Никакая операция Володе не нужна, стойте твердо на своем, Наташа! — писала мне Верочка. — Перфорация, если и была, зажила под антибиотиком, это случается. Непроходимости у него тоже нет, дней через пять все пройдет само!» Оно и прошло на седьмой день.

Что это было? Почему Володя представлял для венецианской хирургии такой лакомый кусочек? К сожалению, у меня есть для этого только одно объяснение: наша заморозившая венецианских хирургов американская страховка, предусматривавшая двадцать тысяч долларов на медицинские расходы. За полостную операцию они получили бы от страховки гигантские деньги независимо от ее исхода. А исход — что ж, человек смертен, и кто бы их попрекнул, что умер от операции девяностолетний старик: дело житейское. Но со мной им не повезло. И они за это крепко отомстили. Противник поднялся, утер разбитый нос, выплюнул выбитые зубы, сгруппировался и ударил так, что в нокауте оказалась уже я.

Поединок. Четвертый раунд

Контактами с госпиталем и организацией нашего отъезда домой занималась купленная мною перед отъездом страховка Allianz. Ее помощь превзошла все мои ожидания. По ходу Володиной болезни они предлагали нам разные варианты: сначала — лететь медицинским самолетом (это было астрономически дорого, страховкой не оплачивалось, да и не казалось нам необходимым); потом — лететь Володе первым классом, позволяющим лежать в трансатлантическом перелете, в сопровождении медсестры; и наконец — лететь первым классом в сопровождении простого (не медицинского) эскорта: нашей Викторией. Последний вариант мы выбрали, и страховка начала искать авиабилеты. И вдруг, как гром среди ясного неба, они позвонили мне с сообщением, что лететь нам никак нельзя, если Володе не сделают операцию!

Выяснилось, что страховка позвонила в госпиталь узнать, когда Володю выпишут, и нарвалась на босса. Он им сказал, что для Володи полет представляет смертельную опасность, потому что из-за перфорации у него воздух в брюшине, и при возможном падении давления в кабине воздух расширится, сожмет внутренние органы и убьет Володю на месте. Единственный выход в этой ситуации — операция.

Страховка вынуждена верить врачам и следовать их рекомендациям. Они мне объяснили, что ни организовать, ни оплачивать наш отъезд не смогут, если Володе не сделают предлагаемую операцию.

Это был хук в челюсть, нокаут. У меня помрачилось сознание и отшибло память. Я поверила этому вздору, внезапно позабыв, что перфорация и мифический воздух в брюшине как показание к операции перестали функционировать со второго дня Володиного пребывания в госпитале и что босс сам признал: перфорация (которой, скорей всего, никогда не было) затянулась. В помрачившемся мозгу стучало: операция,

операция — иначе мы останемся навеки в Европе и никогда не увидим своего дома. От этой мысли у меня пересохло во рту, по затылку ударили свинцовой битой, и я потихоньку сползла на пол — случился гипертонический криз. Когда вернулась способность говорить (но не разум), я обзвонила итальянских друзей с вопросом о хорошем госпитале, куда можно было бы перевести Володю для операции (о том, чтобы делать ее в этой венецианской больнице, вопрос для меня не стоял). К счастью, переезд не потребовался. На следующий день, как и предсказала доктор Верочка, у Володи заработал кишечник, и все сразу стало на свои места. Клянусь, это был один из самых счастливых моментов моей жизни. Ни о перфорации, ни о завороте кишок, ни о каких-либо других показаниях к операции больше не могло быть и речи.

Ко мне вернулась способность соображать. Я позвонила в страховку и сказала, что с моей точки зрения госпиталь вымогает у них деньги с риском для Володиной жизни. К моему великому облегчению, страховка ответила, чтобы я не тревожилась: мы полетим, как предполагалось, а они займется расследованием.

На следующий день к нам в палату заглянули босс и Алессандра и сообщили, что мы можем выписываться из госпиталя и лететь домой. Вика спросила, опасно ли Володе лететь, они ответили — нет. Вчерашнее сообщение босса страховке было изощренным издевательством и чуть меня не добило.

...Я дописываю эти строчки в самолете. Позади двадцать часов пути. Мы в двух часах лета от дома. Володя, слава богу, жив.

15. Дорога

Мы долетели. Сказать, что поездка была трудной, — ничего не сказать. Володя был так слаб, что в самом прямом смысле не стоял на ногах, а у нас было пять пересадок! Наверное, правильно было задержаться в Венеции еще недели на две и дать ему время прийти в себя после больницы, но меня так напугал этот итальянский госпиталь, что я боялась задержаться хоть на день из-за риска попасть туда снова.

Сначала лодка-такси привезла нас на Пьяццале Рома — единственное место в Венеции, где паркуются машины. Там нас пересадили в микроавтобус, который отвез в аэропорт.

Первый полет, из Венеции в Амстердам, был легкий, двухчасовой. Самолет был битком набит, но страшно нам не было, потому что все были в масках. В Амстердаме необходимо было пройти два паспортных контроля — выезд из Европейского Союза и въезд в Штаты. До пересадки было невероятно далеко. Володю у самолета встречало кресло на колесиках, но он в полете так устал, что перестал понимать, где мы находимся и что происходит вокруг.

Потом было двенадцать часов полета от Амстердама до Детройта. Володя и Вика летели первым классом, я — обычным. Предоставленными им благами они, дуралии, не сумели воспользоваться и летели сидя, хотя могли всю дорогу лежать. Володя к тому же ничего из первоклассных яств не ел. Вот и посылай таких первым классом, одно недоразумение.

На пересадку из Детройта в Солт-Лейк-Сити было предусмотрено два часа: там, как и в Амстердаме, необходимо было выполнить массу формальностей. Мы приземлились вовремя, но произошла нестыковка с наземными службами Детройта, и нас немисливо долго держали в самолете, катастрофически урезая наше время на пересадку. Володя был так слаб, что выйти из самолета сам уже не мог.

Команда самолета буквально вынесла его на руках и посадила в поджидавшее кресло. «Водитель кресла» мчался, рассекая без очереди все заслоны и заставы — а была их бездна на пути этого бега с препятствиями: паспортный контроль, получение багажа, таможня, снова сдать багаж — и только тогда к воротам. Мы успели. Но сделать с нашей помощью несколько шагов от кресла к самолету Володя не мог и нас не узнавал. Опять помогла команда самолета.

Еще три с половиной часа полета — и вот мы в Солт-Лейк-Сити. Здесь с грузинским гостеприимством нас встречали друзья, Мзия и Гия Стуруа. Они приехали на двух машинах: одна для пассажиров, вторая — для нашего нехитрого скарба, приготовленного ими обеда и запаса продуктов, которым можно было бы кормить батальон солдат две недели.

А дом наш на нас обиделся за четыре с половиной месяца отсутствия. Когда мы вошли, температура в доме была плюс тридцать по Цельсию, и оказалось, что кондиционер не работает. Вдобавок засорился слив в кухонной раковине, и перегорела машинка, измельчающая пищевые отходы.

...Прошло три дня. Кондиционер и кухонную раковину починили, поломанную балконную дверь поменяли, распилили и выбросили оставшуюся на балконе новогоднюю елку, почту за минувшие четыре с половиной месяца привезли на грузовике, куриные тефтели остывают на плите. Одним словом, повернули ключ зажигания местной жизни.

16. Конец и уроки венецианского карантина

Вернусь теперь почти на месяц назад, в Венецию. Семнадцатое мая — последний день венецианского карантина. Завтра здесь откроются бары и рестораны, магазины и лавочки, церкви и музеи. Завтра сюда приедут гости из разных городов провинции Венето, а начиная с третьего июня, Венеция откроется для всей Италии и шенгенских стран. И значит, время собирать камни.

Два северных региона Италии, Ломбардия и Венето, стали первыми в Италии очагами инфекции. Они сообщили о первых случаях коронавируса одновременно, двадцать первого февраля.

Губернаторы Венето и Ломбардии по-разному отреагировали на приход коронавируса в их регионы. Губернатор Венето Лука Дзайя быстро ввел непопулярные строгие меры: закрыл все бизнесы, школы, университет, музеи и рестораны, отменил все мероприятия, ведущие к скоплению людей; запретил жителям выходить из дома без острой необходимости — только в аптеку, супермаркет или прогулять собаку, а спустя некоторое время запретил выходить на улицу без маски и отходить от дома больше чем на двести метров. За выполнением этих строгих предписаний следили многочисленные карабинеры, и нарушителям грозили серьезные штрафы, вплоть до тюрьмы.

Дзайя провел в Венето несколько раундов тестирования, включавшего, что очень важно, бессимптомное население, с последующей изоляцией бессимптомных носителей вируса. Ведь на самом деле те, кто уже заболел, не опасны, ибо изолированы; основная опасность исходит именно от бессимптомных носителей.

Губернатор Ломбардии не спешил следовать примеру своего соседа. В частности, там тестировали только уже заболевших, которые и так были изолированы, и с закрытием бизнесов не спешили. И вот впечатляющий результат.

Общее число случаев заражения в Ломбардии почти в десять раз выше, чем в Венето, при том, что численность населения выше всего в два раза.

Дописываю двадцатого мая. По суточным данным на этот день, в Ломбардии заболело 294 человека и умерло 65; в Венето заболело 33 человека и умерло 12.

Вопрос: откуда такая драматическая разница. И вот ответ: среди протестированного населения процент бессимптомных носителей вируса — основных источников распространения инфекции — в Ломбардии составил тридцать процентов, а в Венето — только восемь. Все это, конечно, транслируется в число умерших: к двадцатому мая в Ломбардии коронавирус унес больше пятнадцати тысяч жизней, в Венето — меньше двух тысяч. Ошибки стоят дорого.

Но вот что важно: в Италии в течение всего периода эпидемии человеческая жизнь шла впереди соображений экономики. С девятого марта по двенадцатое мая Италия испытывала полный экономический коллапс. Правительство на это пошло — и победило. Сейчас страна стремительно возвращается к жизни.

Каждый день над каким-нибудь городом Италии раздается страшный грохот: это прилетает специальная эскадрилья воздушных акробатов, расцвечивающая небо над городом в цвета итальянского флага в память о погибших от коронавируса и в честь возрождения страны. Так правительство поднимает дух уставшего от карантина итальянского народа.